

Иван Гобзев

Хозяин Москвы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Александрович Гобзев

Хозяин Москвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43613620

SelfPub; 2024

Аннотация

События разворачиваются в середине XXI века в России. Институты церкви и государства объединены и во главе стоит единый руководитель – Святейший Президент Всея Руси. Общество поделено на касты по цветам, где черные и коричневые – низшие сословия, лишённые почти всех прав и составляющие основную массу населения. Главный герой, представитель высшей касты, в силу случайных обстоятельств назначается мэром Москвы. Каждую неделю он должен ходить на исповедь к своему духовнику и рассказывать не только о своих реальных грехах, но и греховных помыслах.

Иван Гобзев

Хозяин Москвы

Так получилось, что я небесный. Выше только белый, ниже светло-зелёный, затем розовый, жёлтый, оранжевый, фиолетовый и, наконец, синий и красный. Но чаще они известны как салатный, розэ, еллоу и так далее. Низшая иерархия это коричневые и чёрные. Они почти не отличаются друг от друга, это всякий сброд.

Как я узнал о своём особом положении? Дело было так. Уже лет десять как учёные обнаружили: люди различаются по цветам. Специальный тест позволял разделить всех на цветовые группы. Никто не мог понять, что это значит. Выдвигались гипотезы о различном эволюционном происхождении, об отличиях в биохимии, о том, что это показатель творческих способностей, и даже о божественном знаке. Учёные собирали данные, анализировали, сопоставляли и постепенно стали вырисовываться некие закономерности. Так, было обнаружено, что у светлых, как правило, более высокие интеллектуальные способности, чем у тёмных. Правда, речь шла о стартовых возможностях, о потенциале, который мог быть раскрыт, а мог и не быть, но суть в том, что специальный тест эти способности показывал. Кроме того, обнаружилось, что на высших уровнях власти почти все небесные или белые. То же оказалось и в церкви, епископы – по-

чти все небесные.

Потом началось вот что: постепенно все низшие цвета стали терять хорошие места, а им на смену приходили светлые. В итоге общество разделилось на две части – тёмные и светлые. Но части совсем не равномерные – светлых было в тысячи раз меньше. Например, белых – всего несколько человек, а небесных – пара десятков.

Так вот, дело было так. Я сидел в отделении полиции. Меня забрали за то что я оказался на каком-то митинге. Попал я на него совершенно случайно. Митинг, кажется, был против слияния государства и церкви. У нас в какой-то момент патриарх был избран президентом, и большую часть чиновников заменили церковными служащими. К тому времени я уже перестал удивляться и сопротивляться, всё зашло так далеко, что мне стало все равно. И ни на какой митинг я бы не пошёл. Если бы не девушка.

В общем, меня забрали вместе со всеми. И уже в отделении стали тестировать. Любопытно, что почти все с митинга были низших цветов – из тех, кого уже раньше протестировали. Редко попадался филя или оранж. Таких отводили в отдельное помещение, а всех остальных отправляли в обезьянник. Я вообще был уверен, что я коричневый или чёрный.

– Плюнь сюда, – велел мне полицейский.

Я плюнул в какой-то реагент. И прямо у меня на глазах слюна стала менять цвет, из бело-желтоватой превращаться

в светло-синюю, как небо в ясный весенний день, и так же выражение наглого брова на лице полицейского сменялось робким почтением.

– Ого! – воскликнул он изумлённо, – да вы небесный!

Потом со мной на Лубянке беседовали другие, но все рангом пониже – зелёные и розовые. Очень любезно, дружелюбно беседовали.

– Ну что вы затесались в такую компанию? – мягко отчитывали они меня.

В общем, прямо там я был принят на государственную службу. Я вообще-то не верующий, во всяком случае не ортодоксально. Но порядок есть порядок и мне пришлось пройти кое-какие обряды. Отныне я подчинялся только другим небесным и белым.

Таков порядок, что раз в неделю, по пятницам, я должен исповедоваться. Мой духовный наставник тоже небесный, он в сане протоиерея. Вообще я должен обращаться к нему «Ваше Высокопреподобие», но как-то в самом начале по неопытности назвал его просто «батюшка», а он и не возражал.

Вот и сегодня пятница.

– Явился, Иван? – спрашивает он добрым голосом. Снимает очки, складывает руки на животе. – Ну, садись!

Он в рясе, блестящая борода с частой проседью лежит на широкой груди, на столе бумаги, бумаги, бумаги – он очень занятой и мне всегда неловко его тревожить.

– Здравствуйтесь, батюшка, – кланяюсь я, прохожу и сажусь на жёсткий стул напротив него.

Некоторое время он молча смотрит на меня. У него пронизывающий, напряжённый взгляд из-под густых бровей.

– Красивое имя у тебя. Иван. Русское! Не знаю, но как по мне, так небесный Иван по любому лучше небесного Джона.

Он перекрестился.

– Что скажешь? А, Иван?

– Вам виднее, батюшка!

– Чую, Иван, ты либерал. Наверно считаешь, что все нации одинаковы и всё такое?

Я так в самом деле и считаю, и уклончиво качаю головой.

– Я надеюсь, хотя бы геев и лесбиянок ты не одобряешь? А то церковь против них, – он по-доброму смеётся.

Я оживляюсь:

– Ну как, батюшка, дела мне до них нет, но...

– Вот и хорошо, – перебивает он. – Ладно, кайся.

Я делаю серьёзное лицо. В первый раз, когда пришёл к нему, я по наивности ёрничал и хихикал, так он мне такую отповедь устроил.

– Ну, батюшка, дело такое...

Я вдруг смущаюсь, хотя ещё секунду назад был уверен, что стесняться мне нечего.

– Говори, Иван, говори. Бог всякое слышит и всякому
внимает.

– Есть одна чёрная...

– Негритянка что ли?! – повысил он тон.

– Батюшка, она по статусу чёрная.

Он нахмурился.

– Из огня да в полымя. Ну и, Иван? Что?

– Да, вот батюшка... Вот...

Я опускаю голову.

– Похоть?! – резко сказал он, так что я вздрогнул. Глаза
его сузились.

Я робко кивнул.

– Прелюбодеяние – грех, если не в браке. Знаешь об этом?

– Знаю, потому и каюсь...

– Ладно, хорошо, что каешься. Накладываю епитимью –
чтобы больше не было до женитьбы. Понял?

– Но...

– Чего но?! Свободен, люди у меня ждут.

Расстроило меня, что батюшка наложил епитимью. Дело вот в чём. Мне нравилась одна оранжевая. Она из моей команды. Я руководил хозяйственно-административной деятельностью юго-западного района Москвы. Обязанностей много. На деле правда всё мои помощники делали.

Эх, Юго-Западная! Один из любимых моих районов Москвы. Маленький Берн с краю нашей столицы – чистые аккуратные улицы, уютные ухоженные дворики. Хорошие школы, приличные жители. И главное – район зелёный. Множество клёнов, лип сидят вдоль тротуаров, они свешивают ветки через решетчатые заборы, а осенью украшают дорогу разноцветными листьями. Странно, но там, на улочках и в подворотнях Юго-Запада стоит мягкий запах прелой листвы, какой бывает только в лесу или, на худой конец, в лесопарке. Это нежный аромат рождает воспоминания из детства. И вот ты уже замедляешь шаг, внимательнее смотришь по сторонам, глубже вдыхаешь и прислушиваешься к голосу внутри – голосу из далёкого прошлого, который словно зовёт тебя вернуться к своим истокам.

Сколько раз я опаздывал на занятия, когда, будучи репетитором по обществознанию, застревал на этих улицах, пиная и вороша листья, как ребёнок! Поэтому мне особенно приятно было работать на Юго-Западной.

Так вот, есть у меня сотрудница – оранжевая. Она меня соблазняет. Вот, пример. На совещаниях она всегда садится так чтобы оказаться в поле моего зрения и задирает ногу на ногу. Я при этом вижу, где кончаются её чулки и начинается голая нога. У неё такие крепкие, широкие ляжки, как раз в моем вкусе. Нет, не полные, а именно что крепкие, спортивные. Она вся такая – спортивная и мускулистая. На совещании это мешает, я не могу оторваться от её ног.

Я пытался по-разному с ней сблизиться. Несколько раз вызывал в свой кабинет якобы для обсуждения каких-то вопросов. Но не знал, что делать – я сразу смущался под её прямым и смелым взглядом, и все мои планы рушились.

Но вот однажды мы с ней оказались на конференции по вопросам цветовой сегрегации. Мы сидели рядом – она опять задрала ноги, так чтобы я лицезрел голую ляжку, а я скосившись на эту ляжку. Не помню, о чём там говорили докладчики, но в какой-то момент я не выдержал и взял её за руку. Взял и крепко сжал. По некоторым признакам (рука была податливая и влажная) я понял – она не против. После конференции я ей предложил поужинать на днях, она с радостью согласилась.

И вот на теперь – епитимья...

Из Франции привезли шип с тернового венца Иисуса. Шип, как считается, божественную силу имеет, действует исцеляюще.

Разместили в главном храме Москвы – Храме Христа Спасителя, в специальном ковчежце для реликвий – из красного дерева в золоте с драгоценными камнями. Народ потянулся со всей России, кто на машинах, самолётах и поездах, а кто пешком, как паломник – чтобы через своё усердие больше благодати получить. Очереди стояли километровые,

через все мосты, что на Москва-реке и Яузе. Путаница была страшная, у очереди получилось несколько хвостов. Чтобы дождаться своей очереди поклониться, люди стояли по три-четыре дня. Некоторых с обморожениями увозила скорая помощь, другие теряли сознание от истощения, так и не дождавшись благодати.

Помню, своими глазами видел: несут на носилках одного, забрали из очереди. У него лицо лилового цвета и пальцы белые-белые.

– Пустите, пустите, я почти дошёл!

А ему санитары:

– Браток, у тебя ноги отморожены, как бы не гангрена!

Когда стало ясно, что полстраны не работает – все в очереди к шипу, наш Святейший Президент принял мудрое решение – самолёт с шипом всю Русь облетел, и потом только во Францию вернулся.

Заранее было известно, над какими городами и во сколько пролетит самолёт со святыней. Люди высыпали на улицу (чтобы потолки и крыши не загораживали благодать, не экранировали её) и крестились в слезах, обратившись к небу.

Я по делам в Кондопоге был, когда там как раз пролетало. Вышел, помню, со встречи, и вдруг вижу: граждане прямо на коленях стоят на дороге, машины остановились, все из них повылезали. Одеты в основном бедно и просто, не по погоде. Что же, скромно живём. Зато высокодуховно.

Я тоже шапку снял, перекрестился ради приличия, и в ма-

шину свою сел.

– Трогай, – говорю водителю. – В бар какой, мне выпить надо.

– Иван Сергеевич, не соглашусь с тобой! – это говорит мой зам и приятель из розовых.

Меня зовут Иван Сергеевич Шмелёв. В точности как русского классика. Но поскольку сейчас никто не читает, то это совпадение остаётся незамеченным. Мы сидим с приятелем в баре на Юго-Западной, пьём коньяк. Я курю, хотя здесь запрещено, но я пользуюсь привилегией небесного.

Мой помощник не соглашается со мной по поводу моих соображений относительно синих и красных, что их нужно отнести к низшей цветовой категории.

– Я считаю, – взвешенно говорит он, – что в таком случае масса отверженных станет слишком велика. И не забывай, что рядовые солдаты, охранники правопорядка – как правило блювари и редиски!

– И что же, – усмехаюсь я, – думаешь, они бунт устроят?

– Не исключено!

– Это вопрос умелого руководства. Не так уж и сложно их держать в подчинении. Кнут и пряник.

– Не уверен, Иван...

– И, кстати, они же ничем не отличаются от коричневых –

их почти столько же! Так может тогда и коричневых переведём в элиту? А затем и всех остальных... – разгорячился я.

– Ну, я надеюсь, до этого не дойдёт!

Мы чокнулись и опрокинули по рюмке.

Как я уже говорил, я не верующий. В ортодоксальном смысле. В церкви мне тяжело и неинтересно. То есть, первые несколько минут я интересуюсь – я смотрю росписи, если таковые есть, иконы, исследую закутки. Изучаю людей – их удивительные лица. На улице такие увидишь нечасто. Но сама служба меня не интересует. Ритуал мне кажется скучным – то, что было призвано потрясти воображение верующего тысячи лет назад, вся эта позолота, в наш век информационных технологий не производит должного впечатления. Для меня храмы и обряды – ровесники древности, и поэтому они очаровывают, завораживают, но никак не связаны с высшими силами – напротив, если бы вся эта бутафория в самом деле имела отношение к Богу, то я бы расстроился ещё больше, чем если бы Бога не было вообще.

Я не верю в ритуалы. Бородатые упитанные мужчины, которые отпускают грехи, а потом закуривают, садятся в крутую машину и катят, хохоча с кем-то по мобильному, не вызывают у меня доверия.

Как-то я сделал замечание одному иерею из жёлтых, уви-

дев у него на руке дорогие часы.

– Святейший, – сказал я тихо, чтобы не привлекать внимание прихожан, – да у вас же часы за два миллиона рублей!

Я знал об этом, потому что мне недавно на день рождения коллеги подарили такие же.

Он замялся и посмотрел на меня – нет, не испуганно, а как-то растерянно.

Тут какая-то юная бесноватая в инвалидной коляске, с распухшим как воздушный шарик багровым лицом, завизжала:

– Батюшка, а скажите который час, а который час?!

Моему протоиерею донесли об этом разговоре. По башке я получил крепко.

Даже белые (хотя я и не знаю ни одного кроме нашего Святейшего Патриарха и Президента всея Руси) обязаны исповедоваться – лично, у собственного духовника.

Все граждане благородных цветов, начиная с синих и красных (так и не было решено, кто же из них выше – синие или красные, их примерно поровну, в пределах погрешности), обязаны исповедоваться раз в неделю. Причём синие, красные и фиолетовые должны ходить на общую исповедь в храм, стоять в очереди и исповедоваться, можно так сказать, почти публично. Это имеет хороший эффект на массы

– простые люди видят, что и мы, светлые, тоже каемся.

Проблем, конечно, хватило с представителями других конфессий. Они были против, но что поделать – у нас же государство-то церковное. Так что если против, вас никто не держит – езжайте в Европу, где всем плевать какой у вас цвет, и живите на пособие. Большинство иноверцев оказалось благоразумным – они решили так: ничего личного, только бизнес. Работа есть работа. В чужой дом со своими порядками не лезут. И вот, кстати, с буддистами никаких проблем.

– Батюшка, благословите!

Я подхожу к его высокопреподобию и склоняюсь за благословением.

– Эй, милый, так не пойдёт! – вдруг говорит он. – Ты что же это, благословение в формальность превратил?

В самом деле, я подошёл чисто механически, по обычаю, а сам был погружен в свои мысли.

– Это тебе не сигарету выкурить. Тут нужно чувство, серьёзность, осознание происходящего! Как и во всём, что делаешь. – Он сегодня в камилавке и оттого как будто строже.

Я покорно киваю, принимаю благословение и сажусь напротив.

– Ну, что с тобой? – он ласково глядит на меня.

– Работа, – бормочу я.

– Вижу, что не только! Давай говори, что на душе.

Так и есть, все видит, от него не скроешь.

– Батюшка, сомнения одолевают, о вере нашей...

– Вот как! Выкладывай.

Ну я ему и выложил всё.

– Ведь вокруг бедные все, – разгорячился я, – так и наши первосвященники должны быть бедны и давать пример чистого, бескорыстного служения богу...

– Дурак! – взорвался он. – Первосвященники это у иудеев! А у нас архиереи! Дурак!

Я притих. Он остыл немного и мягким голосом произнёс:

– Совсем, я вижу, ты заблудился в трёх соснах. Ну, вот смотри. Кто у нас высшее духовенство? Есть ли среди них кто ниже роз?

– Насколько я знаю, батюшка, никого нет, – с готовностью ответил я, радостный, что он не гневается больше.

– Вот именно. А что станет, если мы, верховные, будем как всякая чернь в метро ездить и в магазинах в очередях стоять? Будут ли они нас уважать, эти простые и бедные?

– Не знаю... А что, нет?

– Я понимаю твоё сомнение, сейчас разьясню. Так-то ты прав. Но уважать нашу бедность станут только такие как ты – сами высшие и благородные, кто готов оценить подвиг. А чернь – нет. Ведь как она судит? Если человек пешком ходит и бедный, то неудачник значит и не за что его уважать.

Значит он и не ближе к богу, а такой же как они. Для них избранный тот – кто и живёт хорошо, лучше! Вот поэтому, милый мой, и приходится нам терпеть все эти излишества.

Он равнодушно обвёл рукой мимо обитых кожей стен, мебели красного дерева и в конце потряс пальцами над своим мобильником из платины, как бы показывая, что это тлен.

– Неужели ты думаешь, что мне это нужно? – после паузы, во время которой он смотрел в окно, куда-то в заоблачные дали, – спросил он.

И не дав мне ответить, ответил сам:

– Это не мне, а им нужно!

Еду в своём Патриоте в командировку. Я позади, спереди водитель. Курю в окно, грущу о чём-то. На Патриоте я еду не из патриотизма. Просто не люблю выпендриваться. Зачем, думаю, к чему? Надо проще быть. Вон другие небесные и светло-зелёные – у кого альфа-ромео, у кого мазератти, у кого ещё что. Но стоп – сам себе тотчас говорю – что же ты осуждаешь? Не себя ли судишь, не сам ли ты хочешь роскошествовать?

Короче мне и так хорошо – в нашем Патриоте: машина просторная, высокая, и красивая. Она у меня синяя, а сиденья из бежевой кожи. Водитель мой Мишка – из красных, парень неплохой, но простой, особо не побеседуешь. Да я и

не большой любитель бесед, мне с батюшкой хватает.

– Не суди, и не судим будешь, – говорю я.

– Что говорите? – Мишка спрашивает.

– Да так, ничего. Магазин проезжать будем, остановись.

Закусить чего-нибудь хочу.

– Сделаем! – говорит.

Но в пробке стоим. В мёртвой. Иногда вроде тронемся, пару метров проедем и опять – стоп. Я пробки очень не люблю. Просто ненавижу. Во мне сразу всё человеческое умирает от этого стояния. Начинаю весь род человеческий ненавидеть: зачем, думаю, вас столько уродилось и куда вы все прёте! Так ведь по большей части сброд – тёмные все, я тут один наверно небесный. И стою, как все!

– Тихо, тихо, – говорю сам себе, – смирись, они такие же люди, как и ты! Почти.

Но в пробке смириться невозможно. Закуриваю ещё одну и говорю зло:

– Всё, на хер, езжай по встречке.

– Иван Сергеевич, двойная же!

– А мне по херу! – кричу. – Езжай!

Он молча руль влево выворачивает, газу даёт и вылетает на встречку. Едем. Надо, думаю, было мигалку брать, когда предлагали. А я – нет, нет, я против мигалок, мы должны как все...

Слышу сирена. Догоняет ДПС, сигналит, говорит по громкой связи:

– УАЗ Патриот, номер Б111ОГ, прижмитесь к обочине!

– Что делать, Иван Сергеевич? – Миша спрашивает.

– А что тут поделаешь? Прижимайся.

Мы прижались, Миша окошко со своей стороны открыл, подходит к нам не спеша сотрудник, представляется. Вижу по нему, что предвкушает, наслаждается своей властью, попал я, что и говорить. Лицо лоснится, ещё не решил, как наказывать: либо сотку запросить, либо прав лишить.

– Нарушаете! – говорит Мишке холодно, и по интонации сразу ясно, что дело дрянь. Потом нагнулся, заглянул в салон, меня увидел. Тут я и заметил – он всего лишь фиолетовый. – Документы.

– Слушай, – говорю, – друг, отвали. Некогда нам тут с тобой.

– Да как... Да как ты... – побагровел он и к рации потянулся, да только я ему значок свой показал. – Как вы смеете? Я при исполнении...

У меня нервы вдруг сдали.

– Пошёл в жопу! – закричал я на него. – А ну пошёл в жопу!

Он отступил на два шага, но всё не уходит.

– Может хоть штраф заплатите? Оформим, как другое... А то как мне... Что я скажу-то? Видеофиксация же...

– Ну всё, ты достал, – я открыл дверь и сделал вид, что вылезаяю.

Он быстро к машине своей пошёл, сел, махнул товарищу

и они уехали.

– Куда? Иван Сергеевич? – Миша спрашивает.

– Туда же! За закуской.

– По встрече?

– А что, другую дорогу видишь?

Он тронул, я ещё закурил. Еду, злюсь на себя – вся работа над собой насмарку!

Батюшка со мной потом разговор имел. У нас всегда так: если накосячил, то всё через батюшку идёт.

– Ты совсем что ли обалдел?! – закричал он с порога. – Ты что сотруднику ДПС сказал?!

– Батюшка, так он же фиолетовый был! Почему мне фиолетовый указывает...

– Да не в этом дело! Закон уважать надо!

Стою, голову виновато опустив.

Он сердито водит ладонью по столу и смотрит в сторону. Потом успокаивается.

– Ладно, бывает. И я тоже по встрече езжу, каюсь, что уж там!

– И вы, батюшка?! – с облегчением восклицаю я.

– Бесы всё, бесы путают...

– В своей гордыне, – говорит мне батюшка, – ты дошёл до

того, что критикуешь церковь и учишь священников, какими им надо быть! И горячо так об этом говоришь... Негодуешь всё?

– Негодую, батюшка, – киваю я.

– Сердишься?

– Да.

– Злишься?

– Да.

– Прямо возмущение тебя переполняет, когда видишь творимую другими несправедливость?

– Всё так!

– А что это значит?

– Что? – не понимаю я.

– Психоанализ изучал?

– Ну так, батюшка, читал немного...

– Так вот, чем более страстно ты негодуешь, тем более это означает, что негодуешь ты сам на себя! Потому ты так злишься на других, потому тебя так задевает чужой грех, что видишь в них себя – и выступаешь против своего греха. Понял?

– Понял...

– Так что если ещё вдруг придёт тебе в голову кого критиковать и осуждать – верный знак, что это с тобой что-то не так. Сразу к себе присмотришь и всё увидишь. А то, как говорят обычно – в чужом глазу и соринку заметят, а в собственном бревно не видать.

– И что же мне делать?

– Не судить и смиряться, вот что!

– Чёрт, а самом деле, – обрадовался я, – всё же просто!

– Ты чёрта-то не поминай! – грозно прикрикнул батюшка. – Если бы просто, то на Земле рай бы уже настал.

В кабинет зашла Ольга. У неё нет ко мне никакого дела, и поэтому она слегка нервничает.

– Да? – хмуро спрашиваю я, помня о епитимье.

– Иван Сергеевич, ужин в силе?

– Нет, Ольга. Сожалею, но у меня срочные дела.

– Ясно, – отвечает она как будто немного дерзко, и выходит.

Я бью ладонью по столу.

– Чёрт бы побрал этого протоиерея! Чёрт бы тебя побрал!

В дверь заглядывает секретарша, Мариночка. Она фиолетовая.

– Вы меня звали, Иван Сергеевич?

Я смотрю на неё некоторое время без ответа. Совсем ещё девочка, 19 лет, вместо института пошла работать к нам. Легкомысленная ужасно, постоянно со всеми флиртует, особенно со мной. Стройная фигурка в костюмчике с открытой грудью, юбка выше коленок, покрашена, волосы убраны в пучок на затылке. Не удивлюсь, если однажды она зайдёт

вообще голая. Выражение лица обманчиво-наивное.

– Да, – наконец говорю я. – Зайди.

Она заходит и вопросительно смотрит на меня.

– Дверь закрой! На замок.

Она, глядя на меня, за спиной поворачивает замок.

– Иди сюда!

Она подходит нерешительно и становится рядом. Я не грубо, но требовательно беру её за локоть, притягиваю, потом поворачиваю лицом к моему столу и наклоняю, она опирается на него, чтобы не упасть. Потом я закидываю её юбку, спускаю колготки вместе с трусиками, и свои штаны. Она молчит.

Меня охватывает давно позабытая страсть. Я люблю её яростно, сильно, я как будто бью её своим тазом, и стол с каждым ударом отползает к стене. Всё кончается быстро.

– Иди, – говорю я, натягивая штаны, и падаю в кресло. Надо отдышаться. Закуриваю. Наливаю полстакана виски, хочу нажать коммутатор, чтобы попросить льда, но тут понимаю, что лёд надо просить опять же у Мариночки, а звать её опять сразу после такого как-то неловко. Выпиваю так, и закуриваю.

Я сижу, дымлю, и пытаюсь проанализировать произошедшее. Почему мне было столь страстно, отчего мной овладело такое сладострастие, эта животная похоть? И понимаю: из-за епитимьи. Запретный плод всегда слаще. Ну а Ольге тогда чего отказал?

Я к новостям равнодушен. А зря. Сидел тут в кабинете. Слышу, в офисе какое-то возбуждение, сотрудники шумят. Ну и пусть, думаю, поваляют дурака. Я сам любил новости, когда делать было нечего, и совсем другая жизнь была.

Открывается дверь, заглядывает мой зам из розовых. Он смешной такой, всегда на подъёме, и любит рассуждать на интеллигентские темы, умные слова вставляет, на философов ссылается. По натуре – нацист. Волосы светлые, немного выются, глаза голубые, нос римский.

– Иван, – с изумлённой улыбкой говорит он, – ты уже в курсе?

– А что?

– В США президентом всё-таки коричневого выбрали!

И смотрит на меня, ожидая реакции. А я на самом деле не очень-то удивлён. Они там к этому давно уже шли. Последние лет триста. Но чтобы у коллег не сложилось превратное мнение, озабоченно качаю головой.

– Что будет теперь? – спрашивает он. – Как нам с ними-то дипломатию-то теперь вести?

– А никак. Разрыв дипломатии, – отвечаю в шутку.

Я тогда даже не подозревал, что чего прав окажусь.

Решил заехать в бургерную. Перекусить по-быстрому, как встарь. Ностальгия. В те времена кем я был? Нищепролетом, жалким преподавателем, несчастным онанистом, не ведающим о своей избранности. Жалеть не о чем, конечно, убогие времена. Сейчас другое дело.

Но все равно – жалею. О юности.

Я как зашёл, мне не по себе стало. Столики забиты все – не сесть.

Ладно, думаю, я пока в автомате заказ сделаю, может и освободится где. Набрал на электронном табло бургер, крылышки, картошку по-деревенски с соусами и сок. Заказ быстро собрали, уже хорошо. Взял поднос свой – смотрю, а всё как было глухо с местами, так и осталось. Никуда не при-мкнуться. Я походил по проходам между столиками, а гнев потихонечку нарастает. Что, не видят что ли, что перед ними небесный? Жопы подняли бы уже давно!

Смотрю, сидят двое воркуют за столиком. Между ними пустой стакан с кофе. Они явно уже здесь давно, и уходить не собираются. Он своей рукой её ручку накрыл и что-то бормочет ей со сладкой улыбкой, а она глазками хлопает, но видно, что не глупая и разговорам цену знает. Он оранж, она синяя. В общем, пользуется положением подлец.

– Поели? – спрашиваю.

– Что?! – спрашивает парень.

– Ну, может освободим место другим?

– Мы ещё не закончили.

Я поставил поднос на их столик, оперся двумя руками и говорю раздражённо:

– А я сказал, закончили!

Он мой значок заметил, всё понял уже. Поднялся.

– Ты остаётся можешь, – это я ей в шутку.

Она улыбнулась в ответ, но всё же пошла с ним. У дверей он обернулся и говорит, холодно так:

– Об этом узнают все! Я известный блоггер.

Я молча показываю ему фак.

– А ты молодец, Иван! – это мне батюшка говорит. Он толкает планшет и тот едет по столу ко мне. Я вижу фотографию: я на фоне бургерной показываю фак. Внизу текст: «Небесные совсем обнаглели, считают себя выше правил». И далее подробно описывается ситуация. В комментариях к тексту буря негодования, отметились и очевидцы события.

– Набрал за сутки миллион просмотров. Это успех! – и смотрит так пристально на меня, глаза сузил, как будто сверлит зрачками.

Я почти не дышу, ну, думаю, не обойтись ещё без одной епитими, а он ведь ещё про нарушение предыдущей не узнал!

– Славы захотелось? Тщеславие? Ну что же ты молчишь?

Захотел любви всенародной? Чтобы тебя как пидараса эстрадного на руках носили и во все места целовали?

Знаю по опыту, если батюшка ругается такими словами, значит, дело совсем плохо.

– Батюшка, да не в этом дело... – тихо говорю я. – Просто там очереди были и занято всё... Вот я и сорвался.

– То есть это не честолюбие, хочешь сказать?

– Так точно, батюшка.

– Ну-ка в глаза мне гляди и скажи: «Не грех честолюбия это был!» И перекрестись!

Я сделал, как он велел.

– Ладно. Но получается гордыня?

– Она, батюшка, – с облегчением киваю я.

– Плохо! Что ещё натворил?

Я скороговоркой:

– Епитимью вашу нарушил! Секретаршу трахнул! Простите Христа ради!

И затих, испуганно глядя на него.

– Ты идиот, Христа-то не трогай! – прогремел он.

В общем, наложил он на меня ещё одну епитимью плюс к той, ещё строже. Даже рассказывать не хочу. Но потом полюбил немного, похвалил, что я покаялся. Потому что, не покаялся бы, было бы плохо. Так и сказал. Из чего делаю вы-

вод, что про секретаршу он сам знал. А откуда – даже предположить не могу.

– А блоггера твоего из бургерной, – сказал он мне на прощание, – мы угомонили. Был бы он не из благородных, сослали бы куда-нибудь в Сибирь. А то и хуже чего. Но повезло тебе, мяфа, что ты не на салатowego или розэ не наехал!

Когда занимаешь такое высокое положение, следить за новостями просто необходимо. А я всё узнаю мимоходом – из интернета, от коллег. И вот решил включить телевизор в кабинете – впервые. Работать не хотелось, я поручил все ответственные дела моим замам, а за собой оставил только контроль.

Сел на диван, попросил у Мариночки кофе с круассанами. Она их заказывает в венской кофейне на Пятницкой. Доставляют всегда свежие, превосходные, тесто нежное, сладкое, тает во рту.

Выпив кофе, можно и закурить. В общем, жизнь хороша. Я устроился на диване, ноги на журнальном столике, все заботы отошли на второй план, включаю телевизор.

Кстати, Мариночка после того раза всё ждёт продолжения и не понимает, почему ничего не происходит. Всякий раз, оказавшись в моем кабинете, она задерживается, медлит, и смотрит на меня вопросительно. Но я не могу.

– Марина, ещё что-то? – спрашиваю я холодно.

Она с едва заметным раздражением дёргает головой и уходит.

Так, включаю телевизор. Там симпатичная ведущая новостей, с такой типичной для ведущих точёной красотой и неопределённым возрастом между двадцатью пятью и сорока, вдруг заявляет (как обычно торопливо и будничным тоном):

– С сегодняшнего дня вступает в силу закон, согласно которому носителям коричневых и черных цветовых отличий запрещается пользоваться личным автомобильным транспортом. С этого дня считается обязательным...

Я вскочил, открыл дверь и позвал своего зама розэ. Он всегда в теме всех политических новостей.

– Да, Иван? – он размашисто заходит, блестя заячьими глазами.

– Ты в курсе запрета...

Он меня перебивает.

– Да, наконец-то! Теперь дороги свободны будут. Никаких пробок.

– Это хорошо, – соглашаюсь я. – Ненавижу пробки. Но как они перемещаться-то будут? Они же работать должны. Я боюсь, общественный транспорт не выдержит такой нагрузки...

– Иван, ну ты чего вообще? Это же обсуждалось последние два месяца. У них конфискуют личные автомобили, на-

ционализируют, затем продадут, а на вырученные деньги создают дополнительные автобусы, троллейбусы, маршрутные такси, велосипеды и самокаты...

– Как мудро, – киваю я. – Слушай, ты только не говори никому, что я об этом не знал. Ок?

– Не вопрос! – усмехается он. – Всегда обращайся.

Он вышел. Надо ему премию выписать на всякий случай, – думаю я.

Люблю нежность и ласку. Самое приятное – когда женщина гладит тебя, целует, причём не обязательно в каких-то особо интимных зонах. Спина, плечи, грудь, ступни – божественно. Главное, она должна уметь быть нежной. Делать это легко, воздушными прикосновениями, едва касаясь губами и языком. Есть в этом что-то от материнской ласки – той самой, когда ты лежал совсем крошечный на её большой кровати, а она, сделав тебе сидение из коленей, почти накрыла тебя своим телом и теплом.

Мой друг розовый говорит, что он для себя выбор сделал – это можно получить за деньги. У него нет времени ухаживать за женщинами, а потом ещё и требовать от них то, что ему нужно. На это уходит много времени, да и намного больше денег, чем на проститутку. Хорошая дорогая девушка по вызову сделает такое и так, чего никогда не сделает обыч-

ная девушка (если она на самом деле не является дорогой девушкой по вызову).

Но я не согласен, он меня не понимает.

Помню давно, ночь. Мы спим. С той девушкой, из-за которой я оказался на митинге. Мы на стадии общения, когда комфортно спать вдвоём. Она просыпается – ей приснился страшный сон. Я обнимаю её, прижимаюсь к спине, целую в шею и тихо шепчу: «Всё хорошо, моя девочка, всё хорошо, спи». И ещё что-то говорю, говорю, она вздыхает и что-то шепчет в ответ, и пододвигается ещё ближе ко мне. Засыпая, я теряю связь с реальностью и бормочу ей в ухо совсем какую-то чушь: «Спи моя помидорка, мармеладка, хлебушек мой с маслицем, песочек сахарный»... Мне так уютно и хорошо, что я вскоре засыпаю, в полусне продолжая шептать и целовать.

А спустя какое-то время мы просыпаемся оттого что занимаемся любовью. И так страстно, так горячо, и в то же время так нежно, как ни с одной, даже самой крутой проституткой, не будет.

Но цена всего этого в самом деле велика – дороже денег.

Молния: красные и синие поражены в правах. Я как чувствовал. Они лишены привилегий светлых и фактически уравниваются с коричневыми и чёрными. Но не совсем, хо-

тя они и тёмные теперь. Право пользоваться личным транспортом они всё же сохранили, в отличие от совсем тёмных. Но все государственные должности для них закрыты, только сфера услуг с запретом занимать управляющие позиции, а в обслуживающий персонал – пожалуйста.

Приятель мой умный, от которого я всё это и узнал, говорит, что стратификация, то есть неравенство, сохраняется всегда. Синие и красные всё равно будут считать себя выше коричневых и чёрных. Но вообще правда, коричневые и чёрные традиционно выполняют неквалифицированную работу, а эти-то всё же специалисты хоть в чём-то.

Если по-человечески, то мне жаль их конечно, потому что на них больше не распространяются социальные программы для светлых. Да и налоги, например, если у светлого ставка 9 процентов, то у тёмного все 50, и значит, они серьёзно урежут свой бюджет...

Купил себе новую квартиру в пентхаусе на Новослободской. От работы на первый взгляд не близко, но, учитывая, что теперь дороги свободны, это не проблема. Долетаем с Михаилом за пятнадцать минут.

В районе Новослободской мне нравится. Там старые дома прекрасно сочетаются с новыми, там атмосфера старой советской Москвы с вкраплениями ещё дореволюционной, и в

то же время современной.

Есть там на улице Миусской старое здание института. Я как-то решил зайти, посмотреть. Я вообще люблю прогулки по городу: меня волнуют его пейзажи, улочки, переулки, дома... Мне кажется они сообщают чуткому прохожему нечто крайнее важное на своём особом языке, но вот беда – ключа к шифру не подобрать. Такие променады, кстати – ещё одно удовольствие, недоступное тёмным.

И вот, я на проходной. Там охранник и турникеты. Я прохожу между охранником и турникетами.

– Молодой человек! – говорит охранник. – Вход по пропускам.

А у меня с утра очень хорошее настроение было, не хотелось портить. Просто иду мимо. Странный, думаю, человек, видит же, что у меня значок небесного. И тут же замечаю, что у него – синий. А, всё ясно, их же разжаловали. Из элиты в грязь, вот теперь и пытается воспользоваться служебным положением, чтобы реабилитироваться в собственных глазах.

Ладно, я вошёл в положение, хотя и захотелось двинуть ему промеж глаз. Но ладно, ладно. Просто иду мимо и крещусь с молитвой:

– Господи, дай мне сил не беситься! Дай мне сил! Сохрани спокойствие духа моего!

И чтобы занять голову другим, читаю «Отче наш» раз за разом. Как батюшка велел. Слава Богу, у охранника хватит

ло ума ничего мне не сказать вслед. А то бы тут ничего не помогло. Ужасно не люблю, когда разрушают мой душевный покой – он такой хрупкий, как снежинка.

И вот я внутри. Боже, а что там! Коридоры, коридоры, коридоры, вековой сумрак под высокими потолками, пустынные, как будто брошенные навсегда аудитории... Ремонт не делался давно (за исключением фасадной части и парадных холлов), оборудование прошлого века, на полу стёртый линолеум, стены потрескались и побелка с краской облупились. Вдоль стен, на высоте дверных проёмов убегают вдаль десятки проводов разной толщины. Их много, они переплетаются и словно кровеносные сосуды разбегаются по огромному зданию, снабжая его энергией. Меня завораживает это зрелище. Что за человек или демон разбирается в сплетении всех этих проводов, как он отслеживает, что за что отвечает и куда идёт?

Я догадываюсь, что половина из них нерабочие – они остались от прошлой жизни, как теперь уже лишний, отработавший своё генетический код.

В общем, деньги, выделенные на ремонт, явно ушли в другом направлении. Ладно, разберусь.

Я, кстати, меценат. Вот в чём дело.

Парикмахерскую, где я обычно стригусь, закрыли. Связа-

но это с тем, что хозяин – синий, а бловари теперь не у дел. Как и другие низшие, синие и красные не имеют больше права выполнять руководящую работу.

Узнал я об этом во время сеанса стрижки. Мой парикмахер, Надежда, вдруг сказала тоскливо:

– Последний день работаем... Хозяин повесился.

Надежда – очень крупная женщина. Она ростом с меня, но при этом шире в плечах, у неё мощные руки и ноги, огромный живот. Во время работы она вращает кресло со мной, вместо того чтобы перемещаться самой, потому что не влезает между мной и столиком с принадлежностями. Работает она очень вдумчиво, сдвинув черные брови и сосредоточив бешеный взгляд на моей голове, ножницы и расчёска в её руках как резец и молоток скульптора. Именно поэтому у стригусь только у неё, несмотря на её устрашающий вид.

Раньше я предпочитал стричься у симпатичных девушек. Стригли они меня чёрт знает как. Это известный факт: его клиент нравится мастеру, если между ними есть какая-то интрижка, пусть даже только на уровне безобидного флирта, то стрижка будет плохая.

Но вот однажды оказалось так, что все были заняты и мне предложили записаться к новому мастеру.

– К Надежде пойдёте? – спросили меня.

– Не помню, не помню, как она выглядит?

– Высокая брюнетка с короткой стрижкой.

– Пойду! – сразу выпалил я, предвкушая.

– Она новенькая, вы её скорее всего не знаете...

– Тем более!

О, – мечтал я по дороге в парикмахерскую, развалившись на заднем сиденье моего Патриота, – высокая брюнетка с короткой стрижкой... Это нечто многообещающее...

И я предался фантазиям.

И тут я вижу эту самую Надежду. Что интересно, не придерёшься, она действительно высокая брюнетка с короткой стрижкой. Но я остался и не пожалел об этом. С тех пор я стригся только у неё, и мои бывшие мастера с недоумением смотрели на наш тандем, пытаюсь понять, что я в ней, извращенец, нашёл. О, ограниченные! Повсюду вы склонны видеть только секс!

Со временем я, наблюдая за диким выражением её лица во время работы, пришёл к выводу, что она не безобразна, а даже по-своему красива. В процессе работы она похожа на демиурга, творящего мир. Эта творческая сосредоточенность сродни божественному экстазу, и потому она прекрасна.

Короче я взял её к себе. С одной стороны, жаль потерять такого мастера, где я ещё буду так хорошо стричься? С другой я решил проявить великодушие – она одинока и с двумя детьми. Конечно, чаще чем раз в неделю стричься ни к чему, по мне так и раз в две недели много. Но Надежда сама нашла выход – она стала готовить, убираться и делать мелкий ремонт.

Учитывая всё это, я положил ей зарплату сто двадцать ты-

сяч в месяц.

Это было в самом деле великолепное решение – лишить тёмных права владения и пользования личными автомобилями. У нас в стране транспортная система развита достаточно хорошо и можно доехать откуда угодно без излишеств, по скромному. На перекладных и на своих двоих. Благодаря этому те, кому в самом деле нужно быстро и с удобством перемещаться, могут теперь делать это намного эффективнее.

Сегодня, выехав с Михаилом на Проспект Вернадского, я был потрясён. Я заметил только две-три машины впереди и одну позади. Конечно, были ещё всякие автобусы, грузовые, газели, но это не в счёт. Мы ехали 140-160 и только светофоры заставляли нас сбавить скорость. У одного из них я поменялся с Михаилом местами.

О, Боже, это практически давно забытые ощущения свободы и полёта! Ты как будто рассекаешь космическое пространство, не чувствуя притяжения! Вот когда я пожалел, что у меня нет Феррари! Впрочем, это поправимо.

Тут я вспомнил, что мне нужна наличка. Я остановился у Сбербанка и легко, как молодой олень, выскочил на тротуар. Счастливым, в отличном настроении я забежал в тамбур, где стояли банкоматы и увидел очередь. Перестав улыбаться, я спрашиваю:

– Кто последний?

И мужик, похожий на гопника, ответил с характерной усмешкой:

– Не последний, а крайний! Я.

Я почувствовал сильную слабость и даже вспотел. Ничего не могу поделать, ненавижу очереди! Едва сдерживая раздражение и злость, я привалился к стене и стал ждать. Удивительно, до чего же всегда тупы и медлительны люди, стоящие перед тобой в банкомат! Как вяло они возятся, как не той стороной вставляют, как туго соображают...

Настроение было бесповоротно испорчено. Я знал, что его не исправит уже ничто. Разве что чудо.

Наконец настала очередь этого мужика. Я заметил, что он красный – из разжалованных недавно. И, как назло, он не торопился. Развернул бумажник, некоторое время изучал карты, потом вставил одну. Совершал какие-то операции целую минуту, которая мне показалась часом. Потом вытащил карту и деньги.

– Ну, слава богу, – тихо сказал я.

Но тут он достал ещё одну карту и всё началось сначала. А к этому моменту за мной уже выстроилось человек пять.

– Ничего, что здесь люди ждут? – спросил я.

Он, не оборачиваясь, ответил с той же усмешкой гопника:

– Подождёшь.

По мне от негодования словно пробежала ледяная волна. Некоторое время я, как будто потеряв ориентацию в про-

странстве, крутил по сторонам головой, не понимая, что происходит. Люди в очереди никак не реагировали.

Наконец я подошёл к нему и толкнул в спину. Он повалился на банкомат, но тотчас поднялся и обернулся. Я сразу же двинул ему кулаком. Мужик на вид был мощный, но от неожиданности он не успел защититься и я несколько раз хорошо вlepил ему. Я вообще ничем не занимался, драться не умею. Он это вскоре понял и перехватил инициативу, схватил меня крепко и как бросил на плитку – у меня от боли даже дыхание перехватило. Но тут Михаил подоспел, он спец по боям без правил, мужика с первого удара в нокаут отправил, и стал ногами его метелить, старался всё по лицу попасть.

– А ну, сука, не закрывайся! – и злобно так, я от него не ожидал.

Люди в очереди затихли, отодвинулись. Я отдышался, поднялся:

– Стой, – говорю Михаилу, – хорош, убьёшь же!

Уехали мы оттуда. Уже в дороге я понял, что деньги так и не снял.

– Банк увидишь, останови. Только не Сбер.

Ехал в Питер – ответный визит к Хозяину северной столицы. Неплохой мужик, только самодур и алкоголик. Тоже

небесный. Взял Патриот, потому что дороги у нас, как известно, после зимы тают вместе со снегом. Это, кстати, она из удивительнейших загадок родины – почему у нас такие ужасные дороги каждую весну, как будто после бомбёжки? Говорят, что климат у нас суровый. Не знаю, бывал я в странах, где климат не уступает нашему по суровости, так там почему-то с дорогами всё в порядке. Полагаю, здесь есть некий мистический смысл, не так всё это просто. Что-то символизирует этот факт, сообщает нечто о нашем, как бы сказал Николай Данилевский, культурно-историческом типе.

Смотрю, впереди дорогу слева направо перебегают старуха, прямо по скоростной трассе, никого перехода нет.

– Миша, – кричу, – смотри на дорогу!

Он взял левее, чтобы объехать её. А она засуетилась чего-то и вместо того, чтобы бежать, куда бежала, рванула обратно, как раз туда, куда он повернул. Он по тормозам, да поздно – бах, удар не сильный вроде, но только она, маленькая старушка, на несколько метров отлетела. Я выскочил, вижу – перед капотом туфли её стоят.

Я к ней – не шевелится. Пульс пытаюсь нащупать, а его нет. Мертва. Подошёл Михаил, перевернул её носком ботинка чтобы значок было видно.

– Э, Иван Сергеевич, не беда! Она чёрная. Можем ехать. Потом к машине вернулся.

– Вот сука, бампер помяла...

Михаила я уволил. Хотя потом обнаружили в крови ста-

рушки алкоголь, причём в таком количестве, что и молодой не то чтобы бежать через дорогу, а ползти бы не смог. Крепкие у нас женщины однако, и коня на скаку, и всё такое.

Сидели в баре с моим приятелем-нацистом. Пили крафтовое пиво с лецлом и чёрным хлебом. Очень, кстати, рекомендую свежего жирного лецла к пиву, его ребра просто бесподобны. Чёрный хлеб лучше, как это ни странно, с изюмом.

Краем уха слушали новости. Рядом всё вертится управляющий в жакете и белоснежной рубашке – он фиолетовый. Хочет получше услужить высоким гостям. Я с ним вполне дружелюбен, в вот мой приятель нет.

– Что ты с ним строгий такой? – с улыбкой спрашиваю я.

Он направил на меня свои заячьи глаза, усмехнулся с удивлением, и ответил:

– Так он же жид. Ты не видишь что ли?

– Ну, возможно, хотя я вот не спец чтобы с первого взгляда. И что с того?

– Как что? Еврейская мафия... Слышал о такой?

Я покачал головой.

– Ну как же. Они же везде пролезли. Ты заметил, что повсюду евреи на главных должностях? На ТВ, в Правительстве, да в любой фирме... А почему? А потому что они пускают только своих, а других нет. В итоге только они и живут

хорошо, за счёт всех остальных. Дай им волю, и всё – они в золоте, а народ в дерьме. Поэтому кстати с древнейших времён все просвещённые правители преследовали их.

– Не соглашусь с тобой по поводу просвещённых, по-моему, наоборот...

– Ты хочешь сказать, что Египет, Рим, Испания, Германия в пору своего расцвета и могущества были не просвещёнными?

Я пожал плечами, мне не хотелось вступать в бессмысленный спор.

– Приравнять всех светлых евреев к тёмным, вот что надо сделать, – сказал он, хлопнув по столу.

– Ты знаешь, я не согласен. Честно тебе скажу, не вижу никакой разницы между евреем, русским, китайцем, эскимосом, и так далее.

– Вот по поводу русских ты зря! У нас великое прошлое, великая империя, а какая история!

– Какая история? Наша история начинается где-то века с восьмого-девятого, а до этого всё покрыто тьмой неизвестности... У китайцев, греков, индусов, например, действительно уже была великая история и культура к тому времени, когда славяне ещё по лесам шарились, охотясь и ягоды собирая...

– Да, но согласись, Россия – самая великая! Русский – значит, лучший!

Я внимательно посмотрел в его глаза. Он был совершенно

серьёзен. Вот поэтому я не люблю всякие идеологические и религиозные споры.

Подозреваю, что в основе политических убеждений чаще всего лежит сексуальная фрустрация. И, пожалуй, не только сексуальная. Недовольный собой и своим положением человек, мучимый нереализованными амбициями, сублимируется в ненависти. В том плане, что всю свою страсть, весь свой огонь, всю злость он переносит на других. А чтобы это выглядело обоснованным, камуфлирует политической демагогией...

Так я размышлял в баре за второй кружкой, когда вдруг до меня донеслось из телевизора:

– Согласно указу нашего Святейшего Президента всяя Руси, Красна Солнышка...

Не дослушав, я толкнул приятеля:

– Ты слышал?!

– Что?!

– Ну вот это вот сейчас, про красно солнышко.

– Да, а что? Это уже с месяц как официальный титул нашего президента. По-моему, очень удачно. Ты вообще за новостями следишь?

Взял за правило каждый день смотреть новости три раза – за завтраком, в обед и за ужином.

Очень мне нравится ведущая новостей. Чем больше я смотрю на неё, тем больше хочу её. Я не могу понять, сколько ей лет, возможно двадцать пять, но может и сорок. Глаза очень взрослые, а кожа и фигура кажутся молодыми. Спорт и отличный макияж, понятно.

Но она светлая и наверняка чья-то. К ней так просто не подкатишь.

– Депутат от фракции «Гетеросексуальная Россия» Егор Дынин внёс законопроект, предусматривающий наказание в виде лишения свободы до трёх лет за гомосексуализм, – голос у неё строгий и звонкий.

Показывают зал заседаний, на трибуне этот самый депутат. Светловолосый, полный, румяный. Он горячо что-то говорит, и я улавливаю отдельные обрывки фраз:

– Геи, развращение нации, парша педерастии, нет пидорам в православной России...

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, что им движет, зачем он всё это говорит, какое ему дело до этого. Но не могу – у него ясный взгляд, вполне нормальный вид, разве что слишком страстный. Он горит желанием изобличить и покарать.

– Батюшка, – говорю я, – благословите!

Батюшка благословляет и добродушно спрашивает:

– Ну как на этой неделе? Обет не нарушил?

– Не согрешил! – радостно улыбаюсь я.

– Ну, так чтобы совсем без греха не бывает, все мы грешники, и если не на деле, то в помыслах.

И он осенил меня крестным знамением.

– Батюшка, беспокоит меня кое-что...

– Что, сын мой?

– Я тут слушал недавно новости, так вот там один депутат внёс закон, предполагающий наказание за гомосексуализм...

– Ну и? Правильно сделал. Или ты не знаешь, что Церковь против гомосеков?

– Знаю, знаю... Но вот в чём дело... Ведь их на самом деле очень много... Повсюду. Чуть ли не каждый второй. И даже в правительстве... Этот закон приведёт только к тому, что геи будут сильнее скрывать свою ориентацию, но останутся геями. Не понимаю смысла... Да и какая разница кто как, извините, батюшка, трахается? Я уверен, что и среди верующих, да и в самой церкви полно...

– Это ты брось! – вдруг закричал протоирей, страшно покраснев. – Это ты брось на Церковь наговаривать! А то как бы не случилось с тобой какой беды!

Кулаки у него сжались так, что золотые перстни с камнями впились в фаланги пальцев.

– Или ты один из них? – продолжал он кричать. – А? Признавайся? Любишь сзади подолбиться?

– Да что вы, что вы такое говорите... – я вжался в кресло. Он где-то с минуту молча смотрел на меня. Наконец, разглядев, видимо, что я не гей, он смягчился.

– Смотри, чтоб не было больше этих глупостей! Что Господь Бог наставлял нам?

Плодитесь и размножайтесь. А про Хама, сына Ноя историю знаешь? Вот и считай!

– ... Святейший Патриарх, Президент всея Руси, Красно Солнышко издал указ, приравнивающий фиолетовых к синим и красным с последующим поражением в правах... С этого момента фиолетовые лишаются всех прерогатив светлых, как-то: замещение руководящих должностей, работы в госучреждениях, посещение публичных мест культурного значения, как кто: государственных музеев, театров, зоопарков, картинных галерей et cetera...

Всё это было настолько поразительно, что я даже не удивился внезапному переходу на латинский.

Я выскочил из кабинета в офис. Среди моих непосредственных подчинённых синих и красных не было никогда, но вот фиолетовые были, причём очень и очень неплохие сотрудники.

Они уже всё знали. Я понял это по их бледным лицам. Как только я вошёл, их растерянные испуганные глаза устремились на меня, словно они искали поддержки, как будто я мог что-то сделать и защитить их. Увы, я не мог сделать ничего. Всё что я смог – это развести руками и покачать головой.

– Очень сожалею, – сказал я.

Одна сотрудница зарыдала, сидя за своим столом. Другой встал, и как зомби начал собирать вещи, хотя это не обязательно было делать прямо сейчас.

– Иван Сергеевич, что же теперь делать? – вдруг спросил он.

Он был мой лучший программист.

– Честно скажу, не знаю, – краснея, ответил я. – Но тебе нечего переживать. Ты отличный спец по бэкэнду и легко найдёшь работу в коммерческой фирме. В конце концов ты можешь уехать за границу, уверен, будешь нарасхват, да и платить будут в два раза больше.

– Да?! – воскликнула та, которая рыдала. – А я? HR менеджер?

Я невольно развёл руками. Тут сложно чего-то придумать было.

– Кому я нужна? Что мы будем делать с сыном? Квартиру я снимаю, садик платный, у меня кредит... Славу богу, хотя бы мальчик мой розовый!

Как сказать, подумал я, слава или не славу, сына-то, скорее всего, у неё отберут и отдадут в Государственный право-

славный интернат, куда забирали всех светлых детей поражённых в правах синих и красных, а до этого тёмных. Но не сказал этого вслух.

– Вы все подонки, подонки! – услышал я её крик, уже сидя в кабинете. – Вы, белые, зелёные, жёлтые... Вы просто мрази, суки, вы ни на что не способны, только пьёте нашу кровь!

Я позвал Мариночку и велел подготовить документ на премии уволенным.

Гнал по проспекту сто девяносто на моём новом Феррари. Красный заметил поздно, когда уже люди шли по переходу. Пришлось резко тормозить. Удалось – прямо перед самой зеброй. Только я довольный откинулся в кресле, как сзади в меня – бам! Не сильно, но ощутимо так, ясно что жопа смята. Оглядываюсь, вижу, Нива. Ну, блин, держись. Я решил, что это дачник. У меня стойкая ассоциация таких машин с дачами.

Авария – это всегда стресс. Особенно, если машина новая и дорогая. Не будешь же на Феррари ездить с помятой жопой! А теперь канитель со страховкой, потом жди ремонта, пересаживайся обратно на Патриот и тому подобное.

Я взял кастет (с некоторых пор вожу с собой) и решительно направился к Ниве. Подошёл со стороны сиденья водителя. Смотрю – точно дачник, на заднем сидении горшки с

цветами, ведра с картошкой и яблоками.

– Вылезай, гондон, – громко сказал я. – Разговор есть.

Дачник дверь открыл и вылез. И тут я дар речи потерял – у него на лацкане значок белого. Да и взгляд такой, что без значка понятно – белый. У власть имущих появляется какое-то специфическое выражение лица, что сразу чувствуешь их превосходство.

Он несколько секунд молча смотрел на меня. Я тоже молча стоял рядом, потрясённый и не зная, что сказать – это был первый белый, которого я видел вживую.

Наконец он вlepил мне пощёчину. Ещё секунды три глядел мне в глаза, потом сел в машину, сдал назад, объехал меня и с тархтением умчался.

Я остался на дороге, с кастетом в кулаке и горячей щекой.

Молния! Решением суда сайт для ЛГБТ-молодёжи «Дети радуги» закрыт!

В первый раз слышу о таком сайте. Я лежу в постели, только проснулся и сразу в смартфон. Дурная привычка. В этом есть что-то от наркотической зависимости, только удовольствия никакого, одно разочарование и гомофобия.

Ладно, ищу в сети, что это за дети радуги. Мне почему-то представляется куча голых маугли в джунглях, которые резвятся, прыгают с ветки на ветки, играют и смеются. Нахожу –

сайт для ребят с нетрадиционной ориентацией. Тут для них всякая информация, чат, форум по разным вопросам. «Если ты обнаружил, что ты не такой как все, тебя не понимают, и осуждают, и ты не знаешь, что с собой делать...»

Да уж, – подумал я, – на Руси геям лучше не родиться... Три года в тюрьме.

Я иду на кухню, чувствуя себя уже конченным мизантропом. Слышал, что одна тётка, актриса прошлого, завещала написать на могильной плите: «Умерла от отвращения». В чём-то я с ней согласен.

Делаю кофе, продолжая читать в смартфоне. Мне уж и противно в него смотреть, но и глаз отвести не могу, это в самом деле какая-то болезненная зависимость.

Известный артист даёт интервью:

– По чести, восемьдесят процентов людей быдло. Ну или, если помягче – агрессивные роботы, запрограммированные пропагандой.

Я судорожно начинаю писать комментарий о том, что не восемьдесят, а девяносто девять, но останавливаю себя.

Какой смысл? Зачем? Что мне даст, если я выплесну негатив наружу? Просто не читай по утрам социальные сети, если хочешь сохранить если уж не любовь, то хотя бы уважение к человечеству. Никогда.

Я делаю пару быстрых горячих глотков. И уже спустя минуту настроение начинает улучшаться, как будто чёртов пасмурный ноябрь внезапно обернулся солнечным апрелем.

Включаю телевизор.

– Ну-ка, ну-ка, – игриво говорю я, – поведай нам, что у вас там!

Но там было всё то же самое.

Депутат от фракции Гетеросексуальная Россия Егор Дынин в кулуарах Думы даёт интервью. Как обычно, он возбуждён, полные щёки румяны, глаза смотрят уверенно и твёрдо. И всё же в его манере есть что-то лихорадочное, напряжённое.

– Да, это большое событие, что наконец этот рассадник разврата закрыли. Теперь осталось привлечь к суду организаторов.

– А как быть детям с нетрадиционной ориентацией? Где им теперь искать ответы на свои вопросы?

– А им не надо искать, – зло отвечает он. – Им нужно лечиться!

Тут он краснеет ещё сильнее, глаза выкатываются и он начинает говорить быстро-быстро:

– Это же всё грязь! Грязь! Короста педерастии на белом теле Руси! Туберкулёзные палочки в лёгких нашего государства! Парша на ляжках культуры! Перхоть мозга!.. Их вообще расстрелять надо, вы понимаете? Это же зло в чистом виде...

– Спасибо, спасибо.... Это был комментарий депутата от фракции Гетеросексуальная Россия Егора Дынина.

– Батюшка, что же будет теперь? – это я рассказал духовнику историю с белым на дороге.

– Да ничего, – спокойно ответил он. – Если бы нашумело, то я бы знал уже. Он видимо решил не поднимать вопрос. Так что повезло тебе.

– Ну, слава Богу!

– Не поминай имя Господа бога твоего всеу!

– Так я не всеу... Благодарю ж...

– А вообще по-христиански ты поступил, молодец! – неожиданно он похвалил меня. – Проявил смирение.

– В смысле?

– Ну как же. Сказано же в Писании: если ударят тебя по одной щеке, подставь другую. Вот и ты. Тебе дали по роже, а ты смирился.

Я внимательно посмотрел ему в глаза, но не понял, серьёзно он или издевается.

Решил пройтись пешком. По Цветному бульвару. С этим местом меня кое-что связывает. Красивый бульвар. Дорожки посыпаны гравием, по сторонам деревья, стенды, скульптуры. А дальше за проезжей частью слева и справа дома – старые и новые – зарумянившиеся от молодого утреннего солн-

ца, а над ними небо – глубокое, прекрасное, синее – прямо как я.

Я иду не спеша, чтобы успевать наслаждаться. Вдруг замечаю, что позади кто-то шаркает, и уже довольно долго. Оборачиваюсь, вижу: фиолетовый.

– В чём дело? – спрашиваю строго. – Вы меня преследуете?

– Извините, господин небесный, не смею вас обогнать!

– Обгоняйте, я не против...

Он кланяется и торопливо семенит вперёд.

Срочно организовали конференцию в связи с ситуацией вокруг фиолетовых, синих и красных. От них поступало очень много жалоб в надзорные органы, заявки на проведение митингов, социальные сети заполнились их гневными репликами. На конференцию были приглашены небесные, салатовые, розэ, еллоу и оранж. Последние – в качестве слушателей. После отстранения фиолетовых оранжевые чувствовали себя не очень – они понимали, что находятся в группе риска и могут лишиться своих привилегий. Понятное дело, оставшись без буферной прослойки, они не на шутку нервничали. А теперь, когда вдруг их лишили права выступления, волнение усилилось. Хотя высшее руководство успокаивало их и давало гарантии, что их репрессии коснутся

не могут.

Первым выступали, разумеется, небесные и салатные. Я выслушал несколько нелепых пафосных докладов, сделанных исключительно для того чтобы прогнуться перед правительством. Потом наступила моя очередь. Я своё выступление не готовил, полагался на экспромт. Естественно, в общих чертах я знал заранее, о чём скажу.

– Дорогие коллеги, – начал я, – мне кажется, мы совершили ошибку...

В зале поднялся гул. Я поспешил добавить:

– По поводу красных и синих у меня нет никаких возражений. Здесь мы поступили совершенно правильно. Их в стране – более миллионов, они масса, и нам такие управленцы не нужны.

Послышались жидкие хлопки, но большинство ждало продолжения – что я скажу о фиолетовых.

– А фиолетовых всего несколько десятков тысяч, если не ошибаюсь, меньше ста. Они явно отличаются от синих и красных – они чище и благороднее, я знаю многих лично. Но главное – кто же будет руководить на местах? Кто будет исполнять работу мелких чиновников, рядовых государственных служащих? Обойдёмся ли своими силами?

– Оранжевые и жёлтые! – выкрикнул кто-то с места. – Их хватит!

Оранжевые зашептались. Жёлтые стали протестовать – многие из них занимали довольно высокие посты, были даже

и депутаты, и, понятное дело, замещать возникшие во множестве низшие вакансии после отстранения фиолетовых им не хотелось.

Чтобы разрядить обстановку я решил пошутить:

– Кстати, коллеги! Фиолетовый цвет – один из самых приятных для глаз. Разумеется, после собравшихся здесь.

В зале раздались смешки.

– Это всё ясно, Иван Сергеевич, но что вы конкретно предлагаете?

– Я предлагаю восстановить фиолетовых в правах.

Что тут началось. Кто-то стал аплодировать, но другие закричали с места, что я предатель, иду против веры и отечества, что меня надо отлучить от церкви, и всякое такое. Председатель с трудом их успокоил.

Я не стал досиживать до конца и отправился в бар неподалёку.

Не успел я выпить вторую рюмку кальвадоса, как пришло смс от батюшки:

«Иван, не ссы против ветра. Решение было принято на высшем уровне. Обожжёшься».

В этом обращении читалось явное предостережение, чуть ли не угроза. Несмотря на тревогу, я всё же отметил про себя, что батюшка не мастер идиоматических выражений. «Не ссы против ветра» и «обождёшься» совершенно не сочетаются между собой. Наверное, тут было бы уместнее использовать другое: «ссать кипятком», тогда ещё можно было бы

понять.

Дома долго не мог уснуть. Всё думал, чем для меня может обернуться моё необдуманное выступление.

Ведущая лежит на боку, спиной ко мне. Она уснула. Я поцеловал её между лопаток и накрыл голые плечи одеялом. Потом подумал – глупо, как с ребёнком с ней обращаюсь. Приподнимаюсь и заглядываю ей в лицо. В самом деле, спит. Прямо в макияже, с большими золотыми кольцами в ушках. От неё приятно пахнет косметикой. Длинные чёрные ресницы подрагивают, пухлые, зацелованные губы чуть приоткрыты. Я вижу её крупные, неестественно белые зубы.

Да, это случилось – мы с ней в постели. Мне трудно в это поверить, но это произошло. Она, кстати, еллоу.

Она мне жаловалась, перед тем как уснуть, что очень устаёт на работе. Надо постоянно готовиться, быть в тонусе, присутствовать на различных мероприятиях, встречаться с важными людьми. На личную жизнь времени вообще не остаётся, и поэтому у неё нет семьи.

Я верю, что она сильно устаёт. Она уснула внезапно, на полуслове.

Мы встретились с ней на фуршете по поводу присуждения Ордена Благодарного Света Председателю Правительства. Я стоял с мартини у мраморной лестницы, прислонившись в

статуе Амура. У меня остеохондроз и всё это стояние заставляет меня страдать. Поэтому я всегда прислоняюсь ко всему, что есть рядом.

Мартини – обманчивый напиток. Вроде он лёгкий, но если не знать меры, то можно очень хорошо убраться. Я в этот вечер знал меру. Настроение было не очень, я не люблю светские рауты, беседу поддерживать не умею. Костюм, правда, мне идёт. Но сегодня я вдруг обнаружил, что сильно располнел и брюки едва застегнулись у меня на животе. Не прийти я не мог – было персональное приглашение.

Вокруг прохаживались другие гости, все люди известные и высокого положения. Они улыбались друг другу и, не прекращая, болтали. Видел батюшку, мы с ним раскланялись и на этом всё.

И тут я заметил её. Она стояла боком ко мне и весело болтала с каким-то розэ. Он явно её клеил, усатый брюнет в смокинге. Потом я узнал, что это известный композитор. Она тоже кокетничала: смеялась его шуткам, несколько жеманничала, и много пила.

Она была прекрасна, хотя и проста. Волосы убраны в хвост, скромное белое платье до колен, белые туфли на высоких каблуках, небольшая сумочка из белой кожи с золотыми застёжками, золотые кольца в ушах и браслеты на запястьях, на в меру открытой груди золотая подвеска. Высокая и стройная, и спортивная – ноги довольно мускулистые. Нос чуть приподнят, скулы резкие. Сочные крупные губы раз-

двинуты в улыбке, вроде широкой, но открывающей только два передних зуба.

В общем, богиня.

Я пошёл в туалет. Зайдя, я облокотился на раковину и сказал своему отражению в зеркале:

– Иван! Этот твой шанс. Другого не жди. Или так и будешь до конца дней прочить на неё во время новостей.

Но как себя с ней повести? Это же не девочка-секретарша...

Открылась кабинка позади и из неё вышел пожилой мужчина – салатový – с ухмылкой. Но, увидев, что я небесный, ухмылку убрал и торопливо покинул туалет. Я вышел за ним.

Она стояла теперь одна и растерянно оглядывалась по сторонам. Её бокал был пуст. Я решительно направился к ней, по пути схватив с подноса официанта бутылку красного.

– Будете? – спросил я, приподняв в руке вино. – Отличное бордо!

– О, когда предлагает такой официант, то с удовольствием, – улыбнулась она, заметив мой знак отличия. – Только это не бордо.

– Иван! – представился я, смутившись.

– Мария, – она протянула мне ладонь – руку уже взрослой женщины. Сколько ей? Тридцать? Меня обдало запахом её духов – как будто тёплый ветер с моря, поднимая занавески, наполняет пространство терпкой свежестью волны, ракушек и водорослей, и пионами, стоящими на столе у открытого

окна. У меня даже слегка закружилась голова.

Не зная как быть, я просто пожал протянутую руку, хотя, возможно, следовало бы поцеловать. Она отреагировала на моё пожатие положительно, и я приободрился. Нужно было о чём-то говорить. Она смотрела на меня и ждала. Я повертел головой, отхлебнул свой мартини, и сказал с глупо-ироничным видом:

– Как вам вечеринка?

– Если честно, уныло, – она поддержала мою иронию.

– Да уж...

Темы для беседы закончились, и я замолчал. Выручил меня композитор. Он, оказывается, ходил за вином для Марии. Увидев меня, он заметно расстроился.

– Позвольте представится, – с сухой улыбкой сказал он.

Мы обменялись рукопожатиями и стали о чём-то говорить. С мужчинами мне всегда проще, наверное, потому что они мне не кажутся привлекательными. Во время разговора Мария встала ближе ко мне, из-за чего мы теперь с ней были как бы против него. Это был добрый знак. В какой-то момент я налил нам с ней ещё (себе прямо в уже опустевшую рюмку для мартини) и спросил, демонстративно обращаясь только к ней:

– Вы курите?

– Да, иногда...

– Мы пойдём покурим, – сказал я композитору, который тоже полез уже за сигаретами. Он намёк понял, и мрачно

опустил пачку обратно в карман.

Тот вечер в итоге закончился у неё дома. И вот я лежу рядом с ней, вижу волну её тела под лёгким одеялом, вдыхаю запах цветов и моря, и чувствую себя счастливым, несмотря на то, что опять нарушил епитимью. Меня это почему-то сейчас совершенно не заботит, и я улыбаюсь. Сколько же тебе лет? – вдруг вспоминаю беспокоивший меня вопрос. Хотя не важно. Ты великолепна.

Теперь мне доставляет особенное удовольствие смотреть новости. Я вижу Марию и думаю: ты моя. Это реально здорово. Я гляжу на её рот, быстро и строго произносящий какие-то слова, и улыбаюсь: «Знали бы вы, что она делала этими губами!» Я даже не понимаю, что она говорит, я просто смотрю и улыбаюсь. И ещё: меня невероятно возбуждает её голос, её серьёзный вид на экране. Невольно я берусь за пряжку ремня, и моё дыхание становится тяжёлым. То же происходит и когда мы просто говорим по телефону. В общем, меня охватывает какая-то дикая страсть при мыслях о ней. Не знаю, наверное, я влюбился.

И вот сегодня, сижу у себя в кабинете, рука непроизвольно на ширинке, смотрю новости. Вечером я еду к ней. В предвкушении встречи совершенно не могу работать. Есть куча дел, кипа документов лежит у меня на столе. В том чис-

ле срочное – несанкционированный митинг. Но я не могу. Пусть мир подождёт.

И тут слышу:

– В Думу внесён законопроект о Геоцентрической системе мира. Депутат Антонина Мироява предлагает вернуться к библейским представлениям, согласно которым Земля находится в центре Вселенной...

Я не поверил своим ушам и бросился к компьютеру. В самом деле – это уже во всех новостях. Академия наук оперативно отреагировала: академики протестуют и называют это мракобесием. Но глава академии – митрополит Московский – призывает своих коллег воздержаться от скоропалительных суждений. Читаю его реплику: «В течение тысячелетий ни у кого не вызывало сомнений, что Земля – центр мироздания. Правильно ли огульно попирает традиции, отказываться от наследия предков? Но в то же время не следует, конечно, отрицать и последние достижения науки».

Нахожу в поисковике Антонину Мирояву. Доктор философских наук, профессор МГУ. Депутат ГД последнего созыва. Число научных публикаций – 245, основная тема интересов богословие науки. Читаю аннотацию к одной из её статей: «Тёмные уже несколько столетий ухитряются вводить в заблуждение мировую общественность. А между тем стоит лишь обратиться к самому главному из научных трудов человечества: Священному Писанию. Там сказано: «Ты поставил землю на твёрдых основах: не поколеблется она во веки

и веки (Пс. 103:5). Восходит солнце и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит (Екк. 1:5). Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Аморея в руки Израилю, когда побил их в Гаваоне, и они побиты были пред лицом сынов Израилевых, и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Авалонскою) (Нав. 10:12)». Цель данной работы показать, что данные отрывки содержат исчерпывающее доказательство того, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вокруг Земли. От этого один шаг до полной реабилитации геоцентрической системы».

У меня пересохло в горле и чаще забилося сердце. Не может быть, думал я, не может быть, мы же в XXI веке... Она сумасшедшая, закон не пройдёт...

И тут читаю: «Святейший Патриарх, Президент всея Руси, Красно Солнышко поддержал инициативу депутата ГД от фракции «Святая Русь» Антонины Мировой».

– Батюшка, да что же это... Всем же известно, что Земля не центр Вселенной...

– Кому это известно?

– Да как же, эксперименты... Телескопы... Гравитация... Более массивные тела не могут вращаться вокруг менее массивных. В конце концов, всё вращается вокруг чёрной дыры

в центре нашей галактики.

– Да ну? А Эйнштейн что доказал?

– Что?

– Что всякое движение относительно. А раз нет абсолютного движения и единой точки отсчёта, то что из этого следует?

– Что?

– Что это вопрос веры – что вокруг чего вращается. Это зависит от выбора точки зрения – с нашей, земной, весь мир вращается вокруг нас. Ты в Бога веришь?

– Верю...

– Ну вот и считай...

Депутат Дынин, который всё с геями и лесбиянками боролся, попался. Впрочем, я совсем не удивлён. Я даже этого ожидал. Не нужно быть большим специалистом в психологии, чтобы понять, откуда у него росли ноги.

В новостях показали оперативную съёмку. Сотрудники правоохранительных органов врываются в гей-притон, голые мужики разбегаются и прячутся по углам. Оперативники явно знают, зачем пришли – они не обращают внимания на испуганных мужиков, следуют прямо по коридору и уверенно заходят в одну из боковых комнат.

В поле обзора трясущейся камеры появляется недоумева-

ющий депутат, он торопливо прикрывает гениталии простыней, слева и справа от него голые парни. Их быстро прогоняют. Спустя минуту опять показывают ту же комнату – по-прежнему, без одежды, депутат сидит на краю кровати, в очках, и звонит куда-то. Очевидно, покровителям. Но дозволиться, похоже, не может – кто же теперь ему ответит! Простыня пропала, видно всё, но ему уже не до стыда.

Мы в постели. Я весь взмок. Сегодня у неё редкий выходной, а я прогулял работу и со вчерашнего вечера у неё. Мы весь день занимаемся любовью. С меня льёт пот, кажется, я потерял кучу калорий. Лучшее средство для похудения – занимайтесь сексом! Но чтобы вот так, как мы с ней, по нескольку часов кряду – это должна быть настоящая любовь. Без любви не будет такой страсти. Без любви быстро начинаешь скучать и видеть недостатки другого, а с любовью нравятся всё.

– Маш, знаешь, мне иногда кажется, что у нас в стране происходит какой-то кошмар... – говорю я в перерыве.

Она лежит на боку, спиной ко мне. Я на спине, смотрю в потолок, левой рукой глажу её ягодицы. Я рассказываю ей обо всём, что меня тревожит. Про геев, про геоцентризм, про фиолетовых.

Она расслабленно слушает, не оборачиваясь.

– Я стараюсь не думать об этом, – наконец говорит она, когда я замолкаю. – И так голова постоянно забита. Да и смысл? Я ведь не смогу ничего изменить.

– Да, но это же бред! Почему большинство принимает происходящее так, как будто это правильно, как будто так и должно быть?!

Я разволновался. Она обернулась, облокотилась на мою грудь и нежно поцеловала. Её волосы упали на моё лицо.

– Ванечка, так наверно устроены люди. Не думай об этом. Да, она права... Вот в самом деле – инквизиция, нацизм, апартеид... Чего только не было! Но чтобы сейчас, когда наконец появился объективный критерий как выбирать лучших, когда страной управляют избранные, и происходит такое!

– Садись! – батюшка с порога указал мне на стул, не дав мне возможности попросить благословения.

Вижу, дела плохи. Что-то он прознал.

– Думаешь я не знаю, – пронзительным злым голосом сказал он, – что ты трахаешь эту ведущую? Всё ждал, ждал, когда ты сам покаешься на исповеди, так ты молчишь. Ты что же, на таинство исповеди решил наплевать?

Я опустил голову. Возражать было нечего.

– Как ты мог-то! Плевать хотел на епитимью? На клятву

Богу?

Он скомкал какой-то лист на столе и бросил мне в лицо. Такого ещё не было.

– Батюшка, – пробормотал я, не смея поднять глаза, – я люблю её.

Повисло молчание. Что сейчас будет, – думал я, – он бросит в меня стул?

Но он вдруг сказал, более спокойным тоном:

– Бумагу-то посмотри!

Я поднял скомканный лист и развернул. Там была информация о моем повышении. «Назначить Ивана Сергеевича Шмелева Хозяином Москвы». И подпись самого Святейшего.

– В смысле, мэром? – замерев от восторга, спросил я.

– В смысле Хозяином, – буркнул он. – Мэры все на Западе.

– Спасибо! Спасибо! – воскликнул я.

– Да уж пожалуйста! Видишь, какой я подарок тебе приготовил. А ты мне? Спасибо тебе, Иван Сергеевич! Услужил! Подложил, так сказать, дохлую собаку в карман!

Откуда он берёт эти дурацкие выражения? – подумал я, но промолчал.

– Любишь её, говоришь? – спросил он.

– Люблю.

– Ну что же. Ладно. Освобождаю я тебя от епитимьи. Трахайтесь на здоровье.

– Спасибо! Спасибо! – снова закричал я.

– Но только чтобы это...

– Что?

– Без содомии.

В новостях на Яндекске молния: «Анальный секс приравнивается к гомосексуализму». Прохожу по ссылке, читаю: «После бурных прений закон был принят в третьем чтении...» Я пытаюсь представить эти прения. Как несколько сотен взрослых мужчин и женщин в течение многих дней спорят об анальном сексе, чтобы потом проголосовать единогласно.

Тут я замечаю, что уже долго сижу, вытаращив глаза, так что кожа на лбу заболела. Я осеняю себя крестом, прогоняя наваждение.

– Ты знаешь, – со смехом говорит Маша, положив голову на мой живот и глядя на меня – в её глазах весёлые искорки, – Антонина Мироя вынесла на обсуждение новую инициативу.

– Какую же? – взволновался я.

– Запретить оральный секс.

– Ты серьёзно?!

– Совершенно.

– Какие же у неё аргументы?

– Ну, это богопротивное дело.

– Богопротивное? – удивляюсь я. – Неужели она полагает, что Богу есть дело до орального секса?

Маша хохочет.

– И какое наказание? – строго спрашиваю я, не понимая её веселья.

– Да всё такое же, от трёх лет колонии строгого режима.

– Хренасе! – вскрикиваю я.

Маша гладит меня по животу и ласково говорит:

– Не волнуйся, милый! Мы ведь никому не скажем?

Вот так мы с ней стали сообщниками в богопротивном деле, да к тому же и уголовно наказуемом...

– Ты такой красивый, – пишет мне Маша в мессенджере. – И умный. Это так редко бывает у людей с таким статусом.

– Да ну? – не верю я. – Тебя, по идее, должно окружать много статусных умных красивых мужиков.

– Да, но они не скромные. Знаешь, как бывает, наглеют, осознавая свои плюсы. Задирают нос, с такими самовлюблёнными вообще невозможно. А ты скромный.

Я не отвечаю, думаю: хорошо это или плохо? Может я веду себя недостаточно уверенно и надо понаглее? Да и вооб-

ще я только с ней такой скромный. Потому что...

«Я тебя люблю», – вдруг пишет она.

Мы ещё ничего такого не говорили друг другу. Я замираю от какого-то очень странного чувства из смеси счастья и тревоги. Как будто это случилось со мной в первый раз. Боже, – обращаюсь я к оконному проёму, – неужели это правда? Она любит меня? Это так странно...

Я пишу в ответ:

«И я тебя».

Потом понимаю, что это звучит, возможно, очень формально и прохладно, и добавляю:

«Я очень сильно тебя люблю».

От неё приходит смайлик.

«Мне надо на эфир бежать. До вечера!»

Кажется, ещё Толстой сказал, что без любви жить легче, но нет смысла. Это правда, потому что влюбляясь (взаимно) вдруг понимаешь, что до этого всё было пустым, нелепым, рутинным. Ты и не жил, а влачил существование. И вот теперь всё наполнялось каким-то важным содержанием, расцветало яркими цветами, тебе хочется смеяться и петь, и шагаешь ты особой походкой. Мир улыбается влюблённым.

Кстати, древние греки особо уважали влюблённых. Считалось, что в состоянии влюблённости человек одержим бо-

гами. Любовь – это священное неистовство. Если преступление совершалось влюблённым ради того, кого он любит, то наказание смягчали.

– К чему эти сомнения! – батюшка качает головой. Потом задумчиво смотрит в окно. Там белые стены и купола. На кресте сидит ворона.

– В том-то и дело, – продолжает он, – что тёмным не дано увидеть внутренний свет светлого, распознать его глубинное духовное великолепие. Так стоит ли судить о себе по тому, как судят о тебе они?

Я молчу, по интонации чувствую, что сказано ещё не всё.

– Мы, светлые, способны оценить друг друга, и нам не надо никаких иных доказательств. Мы видим красоту. Он внимательно посмотрел мне в глаза и добавил:

– Красоту духовную! Которой лишены тёмные. У них даже вкус дурной, ты заметил? Им нравятся посредственные книги, фильмы, картины... Это потому что они лишены способности судить самостоятельно. А у нас есть природный дар – различать прекрасное...

Я покивал. Согласен: мне тоже всегда казалось, что у меня хороший вкус, и я вижу прекрасное, а у остальных очень плохой и им нравится всякое дерьмо.

Потом он вдруг спросил:

– Ну что там с Машкой твоей? Блудите?

– Немного, батюшка... – смутился я.

– Ладно, – по-доброму протянул он. – Дело молодое. Но не увлекайся... Всё это пустое. Любовь пройдёт, а грех?

– Что грех?

– А грех останется!

Вся сеть сегодня в трауре. Все пишут: какая боль... Как жаль! Безвременная кончина. Это невозполнимая утрата. Горе, трагедия, потрясение.

В общем, стандартный набор формул, за которыми ноль эмоций.

Умер один из известных в своё время деятелей культуры, на девяносто шестом году жизни. Брэд Питт. Американский актёр несколько лет назад, когда в Голливуде про него совершенно забыли, вдруг принял православие и российское гражданство.

С тех пор он жил на Руси и занимал какую-то почётную должность в Министерстве культуры и духовного просвещения. И вот он умер. Что не удивительно, учитывая его возраст.

Тут я во внезапном порыве открыл текстовый редактор и стал писать завещание. Мне показалось это очень важным, я не хотел чтобы про меня писали, как про Брэда Питта.

«Когда я умру, прошу меня кремировать, скромно, без церковных ритуалов, проводов, речей и застолий. Пожалуйста, не пишите и не говорите про невосполнимую утрату и безвременную кончину, про трагедию и потрясение. Это всё неправда. Едва ли найдётся несколько человек, кому в самом деле будет меня по-настоящему не хватать. То же касается и вас, помните об этом. Во-вторых, смерть – это самое обычное дело в мире, и не надо делать вид, что это трагедия, тем самым вселяя страх в юные сердца, умрут все. Трагедия это обычно для того, кто умирает и его самых близких. Если уж надо что-то сказать, то лучше так: «пришло его время». Я не хочу лицемерия и фальши в надетых масках и постных хвалебных речей у гроба. Без процедуры прощания, пожалуйста, когда малознакомые люди подходят и пялятся на покойника, думая про себя: «вот же, жопа!»

Если хочется помянуть, выпейте, посидите, повеселитесь. Но! Запомните – если вдруг кто-то захочет встать и высказаться в положенном в таких случаях пафосном тоне о покойном, тот мой враг отныне. То же касается и всех, кто захочет поговорить о невосполнимой потере в средствах массовой информации...»

Но тут я бросил не дописав. Чего это я разошёлся? Кто я такой? Брэд Питт – звезда, а я?

– Иван Сергеевич, Иван Сергеевич, просим! Надо помянуть.

Вот влип, честное слово. Пришёл на корпоратив Городской Думы, позвали как почётного гостя. Стол шикарный, напитки на любой вкус, духовная музыка, девочки. Ну и звёзды, разумеется, куда без них, самые титулованные деятели культуры. И, конечно, вспомнили Питта, тем более только вчера его в гроб положили!

Кстати, что любопытно – по слухам он завещал свои останки отвезти на родину и там похоронить рядом с бывшей женой Анджелиной Джоли. Но, во-первых, Джоли ещё жива, во-вторых, не известно её желание на этот счёт. Но самое важное – родина-то его теперь здесь! Поэтому Синод решил – лежать Питту в русской земле.

– Иван Сергеевич!

Чувствую, не отвертеться. Не моё это – тосты говорить. Не люблю и не умею. Есть в этом что-то принудительное, какое-то насилие над личностью. Демонстрация силы общества и подавление индивидуальности – давай, вставай и говори, хочешь или не хочешь, и говори хорошо, лги, лицемерь, ибо мы так хотим, таковы правила общежития и кто ты такой, чтобы переть против них.

Я встал. Все затихли. Я немедленно покраснел. Рука с бокалом шампанского задрожала. От этого я ещё сильнее смутился. И начал говорить, сбиваясь и путаясь о волнения:

– Брэд Питт бы хорошим человеком. И прекрасным актё-

ром. Семьянином тоже вроде неплохим, насколько я знаю. Некоторые фильмы, в которых он снялся, вошли в золотую житницу кинематографа. Например...

Тут я понял, что не могу вспомнить пример. Ладно.

– Например, в фильме, где он играет человека, снесаемого внутренними противоречиями, олицетворяет драматургию жизни, выступает как бы героем нашего времени...

Это я говорил наугад, рассчитывая, что такие киногерои есть в любую эпоху.

– Брэд – лицо нашего времени.

Сотни чиновников сосредоточенно смотрели на меня из-за столов, держа наготове бокалы. Кто-то, поймав мой взгляд, стал кивать. Надо заканчивать.

– Помянем же, безвременно ушедшего от нас великого человека. Его уход – невосполнимая утрата для нас. Но он навсегда останется в наших сердцах. Вечная память!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.